

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ

О.В.Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Традиционно коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает, что перевод должен оказывать на своего получателя такое же коммуникативное воздействие, какое оригинал оказывает на своего адресата. В статье доказывается ограниченность такой трактовки и предлагается модель коммуникативного акта, в которой получатель перевода взаимодействует не с автором оригинала, а с текстом перевода. В этом случае коммуникативная адекватность определяется соответствием переводческой стратегии той цели, с которой выполняется перевод.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, цель перевода, стратегия перевода.

Translation Strategies in the Context of Communicative-Functional Approach to Translation Olga Petrova

Traditionally, according to the communicative-functional approach, translation is supposed to produce the same communicative effect upon its recipient as the original text does on its addressee. The article shows limitations of this understanding of the communicative approach and suggests a different model of a communicative act, in which the recipient interacts with the TL text and not with the author of the original text. In this case communicative adequacy depends on the choice of a translation strategy consistent with the purpose of translation.

Key words: communicative situation, purpose of translation, translation strategy.

В последнее время в переводоведческой литературе все чаще обсуждается зависимость выбираемой переводчиком стратегии перевода от целей, с которыми перевод выполняется. Еще недавно сторонники коммуникативно-функционального подхода полагали, что в любой ситуации перевода основная задача переводчика состоит в создании текста, оказывающего на получателя перевода такое же воздействие, какое оригинал оказывает на своего адресата. Именно к этому, так или иначе, в большинстве случаев сводились и сводятся имеющиеся определения адекватности перевода – категории, которая

лежит в основе оценки качества перевода. Во многих случаях такое требование коммуникативно-функционального соответствия текста перевода тексту оригинала вполне обосновано: каждый текст создается с определенной целью, и эта цель достигается посредством данного текста в процессе коммуникации. Таким образом, для того, чтобы в процессе коммуникации текст выполнял одну и ту же функцию вне зависимости от того, являются ли все участники коммуникации носителями одного или разных языков, оригинал и перевод должны оказывать на своих получателей одинаковое или максимально близкое воздействие – сообщать им один и тот же объем информации, вызывать одинаковые или, во всяком случае, однотипные эмоциональные реакции, побуждать к одинаковым действиям и т.д.

Однако уже двадцать лет назад М.Я. Цвиллинг писал о необходимости пересмотреть и модифицировать коммуникативный подход к переводу – на том основании, что существуют разные коммуникативные ситуации, ставящие перед переводчиком разные задачи, не всегда сводящиеся к воссозданию коммуникативного потенциала оригинала и даже не всегда его требующие [1]. И действительно, с происходящим в последнее время расширением сферы переводной коммуникации все более очевидными становятся многообразие целей перевода и, соответственно, отнюдь не универсальный характер требования сохранения коммуникативного намерения автора. Все чаще перевод используется в ситуациях, когда изначально не предполагается тождество реакций носителей ИЯ и ПЯ, когда цель создания и/или использования перевода отличается от цели создания и/или использования оригинала. В качестве примера можно назвать перевод статей о внутривнутриполитической жизни других государств, перевод речей, обращенных к участникам каких-либо мероприятий, во время трансляции этих мероприятий по радио и телевидению, перевод материалов, создававшихся для внутреннего пользования, но попавших в руки журналистов, и многое другое [2].

Учитывая разные коммуникативные ситуации и разные задачи, стоящие перед переводчиком, В.В. Сдобников определяет адекватность как требование «обеспечить соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода» [3. С. 141]. Таким образом, оценка адекватности перевода ставится в зависимость от характера

коммуникативной ситуации, в которой этот перевод выполняется и которая, в свою очередь, определяет цель выполнения перевода. В.В. Сдобников выделяет два типа перевода: собственно перевод и терциарный перевод, разницу между которыми он видит в том, что «собственно перевод ориентирован на реализацию коммуникативного намерения автора ИТ, а терциарный перевод ориентирован на реализацию цели, сформулированной переводчиком или получателем перевода» [3. С.140].

Такой подход к определению адекватности перевода охватывает все разнообразие коммуникативных ситуаций, в которых используется перевод. Однако и он нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, под такое определение подпадают ситуации, в которых цель перевода может быть достигнута без использования языковых средств – скажем, кивком головы (если одного из коммуникантов, к примеру, интересуется согласие или несогласие другого коммуниканта). Акт коммуникации при этом состоится, однако говорить о переводе как о виде речевой деятельности в этой ситуации не приходится. Это относится и к собственно переводу, и – в еще большей степени – к терциарному переводу. Если получатель перевода хочет узнать, о чем за его спиной договариваются его конкуренты, ему достаточно получить самое общее представление о содержании исходного текста. Здесь уже речь может идти о разных формах языкового посредничества (скажем, о реферировании), но совсем не обязательно именно о переводе. В таком случае «соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода» может быть достигнуто только при участии переводчика, но совсем не обязательно при условии выполнения перевода как преобразования речевого произведения на одном языке в аналогичное речевое произведение на другом.

Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие. С одной стороны, формируя общие, универсальные требования к переводу, мы уходим от обязательного требования создать текст, воспроизводящий оригинал во всей его полноте и с сохранением его коммуникативного потенциала, с другой – мы видим, что снятие этого требования приводит к размыванию понятия «перевод» как такового. Думается, однако, что противоречие это кажущееся. И вызвано оно отнюдь не

ограниченностью коммуникативно-функционального подхода, а определенными стереотипами в его трактовке.

Первый из этих стереотипов, как уже было показано, заключается в сопоставлении воздействия текста на адресатов оригинала и получателей перевода. Как только выясняется, что не все тексты изначально адресованы носителям ИЯ, теряет смысл само понятие функционального (динамического или любого другого) тождества. Если текст изначально адресован носителю ПЯ, то не с чем сравнивать его воздействие. Второй стереотип состоит в том, что коммуникативная «полноценность» перевода определяется степенью воссоздания коммуникативного намерения автора оригинала. Если текст предназначен для какой-то определенной целевой аудитории, то его автор просто не имеет никакого коммуникативного намерения в отношении получателей перевода, не входящих в эту аудиторию. В этом случае мы имеем дело с терциарным переводом, при котором автор оригинала и получатель перевода ни прямо, ни опосредованно не объединяются в одной коммуникативной ситуации. И поэтому возникает ощущение, что коммуникативно-функциональный подход здесь непродуктивен. Это впечатление усиливается, если, наряду с терциарным переводом как таковым, учесть еще и возможность переадресации текста при переводе [4]. В этом случае перевод адресуется не только иноязычной и, следовательно, инокультурной аудитории, но и аудитории, отличающейся по своим социальным характеристикам от той, которой был адресован оригинал. О каком коммуникативном и функциональном соответствии здесь может идти речь?

Все эти противоречия и ограничения, равно как и проблемы, возникающие при подходе к адекватности перевода, сформулированном В.В. Сдобниковым, снимаются, если перестать рассматривать переводчика как посредника между автором оригинала и получателем перевода. Какую бы ситуацию перевода мы ни взяли, переводчик на самом деле оказывается посредником между текстом оригинала и получателем перевода. С одной стороны он имеет исходный текст, а с другой – человека, которому этот текст зачем-то нужен. Переводчик в действительности далеко не всегда знает, каково истинное намерение, заставившее автора создать тот или иной текст. Автор может создавать текст с целью дезинформации, обмана и т.д. Переводчик, как и получатель перевода, может этого не знать. И его

задача – не дезинформировать получателя перевода, а сообщить ему ту информацию, которую посчитал нужным сообщить автор оригинала, – с какой бы целью он ее ни сообщал. В том случае, если в тексте есть нечто, позволяющее заподозрить дезинформацию, переводчик обязан это воспроизвести (именно потому, что это есть в самом тексте). Если же сам по себе текст никаких признаков дезинформации не содержит, их не должен содержать и перевод. Если в ситуации, скажем, переговоров, у переводчика возникли какие-то подозрения относительно истинных коммуникативных намерений автора, он, в зависимости от поставленных перед ним дополнительных задач, может сообщить о них получателю перевода. Но это уже будет выполнением обязанностей, дополнительных к переводческим. Как переводчик же он имеет дело не с автором, а с порождаемым им текстом.

В этой связи представляется уместным вспомнить слова Л.К. Латышева: «Нейтрализуя лингвоэтнический барьер, перевод предоставляет носителям исходного языка (ИЯ) и носителям переводящего языка (ПЯ) лишь объективно равные возможности восприятия и интерпретации сообщения в его исходном и переводном вариантах, включая возможность одинаково отреагировать на него; а какая реакция (коммуникативный эффект) последует в действительности, зависит от индивидуально-личностных свойств каждого отдельного получателя оригинала и перевода» [5. С.21]. Можно добавить, что и носители ИЯ, и носители ПЯ могут использовать текст в самых разных целях, далеко не всегда совпадающих с теми, которые предполагал автор оригинала. Современные читатели Геттисбергской речи А. Линкольна могут знакомиться с ней как с историческим документом, как с образцом риторического искусства, как с текстом, характеризующим личность ее автора, и т.д. Но в любом случае их восприятие будет отличным от того, на которое рассчитывал А. Линкольн. И сама цель обращения к ней будет отличаться от той, с которой две сотни американцев собрались 19 ноября 1863 года на Геттисбергском кладбище. В этом смысле современный американец, читающий эту речь, с точки зрения своей роли в коммуникативной ситуации практически ничем не будет отличаться от получателя перевода той же речи. Поэтому, оценивая адекватность перевода, представляется целесообразным исходить не

из отношений «автор – адресат/получатель перевода», а из отношений «оригинал – адресат/получатель перевода».

Однако, как уже было сказано, у текста не всегда предполагается адресат – носитель ИЯ. Более того, даже тогда, когда он есть, требуя ориентироваться на то, какое воздействие окажет оригинал на своего адресата, мы явно лукавим. Мы часто идеализируем этого адресата. Говоря о необходимости прагматической адаптации текста, «уравнивающей» объем информации, извлекаемой из текста носителями ИЯ и ПЯ, мы часто исходим из представления о том, что любой носитель ИЯ обладает тем же запасом знаний, что и автор. А это, конечно же, далеко не всегда так. И когда Л.К. Латышев пишет о необходимости создания равных возможностей восприятия и интерпретации текста в его оригинальном и переводном вариантах носителями ИЯ и ПЯ соответственно, речь идет именно о равной возможности, а не об одинаковом восприятии или одинаковой интерпретации. Каждый берет из текста то, что он может, или то, что ему нужно.

На первый взгляд может показаться, что, выводя автора оригинала из привычной схемы «автор – текст оригинала – переводчик – текст перевода – получатель перевода», мы отказываемся от коммуникативно-функционального подхода в его традиционном виде. Однако это не так. Говоря о переводчике как о посреднике в коммуникативном процессе, мы ведь не обязательно представляем себе полную классическую схему коммуникативного процесса, при которой участники обмениваются информацией, оказывая друг на друга определенное воздействие. Право же, читая Пушкина, никто из нас с ним не *взаимодействует*, т.е. не оказывает ответного воздействия. Однако при этом у нас имеется сообщение, т.е. речевое произведение, представляющее собой реализацию коммуникативной функции языка, и имеется читатель, декодирующий сообщение, т.е. извлекающий из него информацию. Этого достаточно для того, чтобы говорить о наличии коммуникативной ситуации. Характер же этой ситуации определяется тем, с какой целью, а следовательно, и какую именно читатель извлекает информацию. То же самое происходит и в ситуации перевода. В общем виде наименее обязательным для коммуникативного характера ситуации является непосредственное участие в ней автора. Свое участие в ситуации общения он обозначил

своим речевым произведением, которое в дальнейшем становится его представителем. Далее следует перекодирование сообщения и, наконец, декодирование его получателем перевода. Поскольку переводчик сам по себе в коммуникативном процессе не участвует, а является лишь посредником между текстом оригинала и получателем перевода, мы фактически имеем лишь получателя перевода и текст перевода, т.е. сообщение, которое он декодирует. В идеальной ситуации, в которой присутствуют оба коммуниканта, для получателя перевода второй участник все равно представлен именно текстом перевода. Декодирование же сообщения, извлечение из него заложенной отправителем информации в любом случае является коммуникативной деятельностью, независимо от того, взаимодействуют между собой отправитель и получатель напрямую или нет. Более того, если мы рассматриваем не гипотетическое взаимодействие автора с получателем перевода, а вполне реальное взаимодействие получателя перевода с текстом перевода, основанном на тексте оригинала, то снимается опасность смешения перевода с иными видами языкового (и даже неязыкового) посредничества.

Однако сама специфика перевода, связанная с несовпадением не только структур языков, но и языковых картин мира у носителей ИЯ и ПЯ, приводит к тому, что в переводе практически невозможно создать текст, обеспечивающий то равенство возможностей извлечения информации и интерпретаций, о которых говорит Л.К. Латышев. Возьмем в качестве примера художественный перевод. Прежде всего, при переводе любого произведения возникает противоречие между стремлением воспроизвести авторский стиль, создаваемую им атмосферу произведения и необходимостью в прагматической адаптации перевода, вызванной различиями в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ. Насыщение перевода лингвострановедческой информацией (будь то в форме описательного перевода безэквивалентной лексики, переводческих пояснений или примечаний) явно искажает характер общения автора со своим читателем, который не нуждается в экспликации его собственных фоновых знаний. Замена определенных фигур речи на функционально адекватные фигуры речи ИЯ лишает читателя информации о стилистических особенностях авторского текста, а сохранение всех стилистических приемов делает в ряде случаев текст перевода неестественным и стилистически неадекватным. Особенно ярко это

видно на примере поэтического перевода, поскольку у каждого народа имеются свои поэтические традиции, сложилось разное восприятие таких, казалось бы, общих для всей поэзии явлений, как размер и рифма. В итоге практически невозможно создать перевод, из которого, как из оригинала, можно было бы извлечь и ту информацию, которую туда осознанно закладывал автор, и ту, которую, сам того не осознавая, он туда заложил как представитель определенной культуры, и ту, которую он туда вообще не закладывал, но которая определенным образом характеризует либо его творческий метод, либо эпоху, в которую он жил и которая может интересовать как обычных читателей, так и разного рода исследователей.

Именно поэтому в большинстве случаев возникает вопрос о цели перевода, которая предполагает сохранение определенных видов информации и допускает опущение других – тех, которыми можно пожертвовать ради сохранения информации, являющейся коммуникативно релевантной. То, какая именно информация окажется коммуникативно релевантной, зависит от того, для чего текст переводится, от того, с какой целью его будет читать получатель. А необходимостью передачи коммуникативно релевантной информации, в свою очередь, будет определяться выбор той или иной стратегии перевода.

Исходя из этого, следует вернуться к уже цитировавшемуся положению В.В. Сдобникова о том, что перевод можно считать адекватным, если он обеспечивает соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода, и к его выделению двух видов перевода: собственно перевода, который ориентирован на реализацию коммуникативного намерения автора ИТ, и терциарного перевода, ориентированного на реализацию цели, сформулированной переводчиком или получателем перевода. Думается, что исходная посылка – необходимость соответствия условиям коммуникации – фактически включает в себя характеристики обоих видов перевода, поскольку сохранение коммуникативного намерения автора – это требование, предъявляемое к переводу в определенных ситуациях общения, это тоже одна из целей, формулируемых переводчиком и/или получателем перевода. В этом случае о собственно переводе и о терциарном переводе можно говорить не как о разных видах

перевода, а как о разных стратегиях, определяемых типом коммуникативной ситуации.

Библиографический список

1. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1991. С.151-156.

2. Петрова О.В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып.2. 2009. Воронеж, 2009. С.119-123.

3. Сдобников В.В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып.10. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С.132-143.

4. Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2010. С.17-23.

5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
член Союза переводчиков России
E-mail: petrova2000@sandy.ru